

Жизнь и прозябание

А.В. Суворов

На протяжении нескольких лет А.В. Суворов делал почтовую рассылку для коллег-единомышленников и друзей. Каждое из писем представляет собой научно-публицистический текст на философские, психологические, педагогические, жизненные темы. Свои письма А.В. Суворов подписывал «Ёжик» — так он называл себя сам, имея в виду не только колючесть, но и стремление на время отгородиться, сжаться, уйти в себя от мира, чтобы затем обратиться к нему с чем-то важным. Предлагаем вашему вниманию его последнее эссе, точнее, последнюю редакцию текста, который он написал почти четверть века назад. Автор размышляет о том, как преодолеть всеобщую, коллективную и индивидуальную, личную бессмыслицу в качестве способа существования. Средства осмысления существования, по его мнению, призвана дать дидактика.

Ключевые слова: бессмыслица, смысл, существование, прозябание, созидание, дидактика.

Для цитаты: Суворов А.В. Жизнь и прозябание // Культурно-историческая психология. 2024. Том 20. № 1. С. 140–144. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2024200117>

Life and Stagnation

Alexander V. Suvorov

For several years, A.V. Suvorov has been doing mailing lists for like-minded colleagues and friends. Each of the letters is a scientific and journalistic text on philosophical, psychological, pedagogical, and life topics. A.V. Suvorov signed his letters “Hedgehog” — that’s how he called himself, meaning not only prickly, but also the desire to isolate himself for a while, shrink, withdraw into himself from the world, so that he could then turn to him with something important. We bring to your attention his latest essay, or rather, the last revision of the text that he wrote almost a quarter of a century ago. The author reflects on

how to overcome universal, collective and individual, personal nonsense as a way of existence. In his opinion, didactics is intended to provide a means of understanding existence.

Keywords: nonsense, meaning, existence, crop production, creation, didactics.

For citation: Suvorov A.V. Life and Stagnation. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2024. Vol. 20, no. 1, pp. 140–144. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2024200117>

Повышенный спрос на «героев» — там, где наблюдается дефицит обыкновенной добросовестности. «Герои» — это либо нормальные ответственные люди в ненормальном обществе, где таких членов — трагическое меньшинство; либо дилетанты, вынужденные свой низкий профессионализм время от времени компенсировать авралом; либо вовсе бесчеловечные типы, для коих высшая ценность — не человеческая жизнь, хотя бы и своя собственная, а «наука», «искусство» или просто распоряжение начальства, — не человек, а «научная проблема», «творческий замысел» или «выполнение приказа». Культ «героя» — это милитаристский, авторитарный и, как ни странно на первый взгляд, анархический культ (анархия как реакция на принуждение, на несвободу).

Слишком уж много бессмыслицы, откровенного хаоса в окружающей действительности, особенно российской. И в жите-бытье отдельных существ, по какому-то недоразумению претендующих на то, чтобы именоваться людьми. Нет в постсоветской России жизни — сплошное выживание на всех уровнях, от бомжа до «олигарха». Сплошное бессмысленное копошение в потугах выжить (термин «Борьба за выживание» звучит, пожалуй, чересчур громко).

И в этом копошении, в этой бездонной трясине плавают, давным-давно оторвавшись от всякой тверди, островки подлинно человеческой — то есть человеческой! — жизни. Чудесные, щемяще-трогательные в своей незащитности исключения из гнусного правила. Островки смысла, обреченные, кажется, на скорое поглощение бессмысленной бездной.

Предостаточно бессмыслицы и в моём собственном жите-бытье. И вот прямо в церкви, сразу после причастия, у меня родились на Свет Божий странные строки:

*Я не здесь. В сияющем просторе,
Стоя на коленях, я повис.
Подо мною — никакой опоры,
Но меня ничуть не тянет вниз.
Молча каюсь. С хмурым сожаленьем
Отголоски суеты ловлю.
Наблюдаю ближних копошенья.
Скорбно, отстранённо их люблю.*

Да, люблю — копошащихся и суетящихся, но люблю уже почти без надежды, что это копошение и суета когда-нибудь прекратится и начнется содержательная, осмысленная жизнь. Причем и я сам, конечно, вынужден вместе со всеми копошиться и суетиться. Поэтому-то моё кающееся (и брезгливо отвергающее копошение и суету) «Высшее Я» и за-

несло в какой-то «сияющий простор». Не в грязь же бухаться на колени? А больше некуда. Остается, уж как получится, изображать коленопреклонение в состоянии невесомости, повиснув между небом и болотом. То ли моё «Высшее Я» преклоняет колени, то ли просто-напросто брезгливо поджимает нижние конечности, хоть в моем видении до поверхности болота добрых полсотни метров... Спасибо, что умудряется висеть всё же не вниз головой.

Устал я, господа-товарищи, — это очевидно. Как очевидно и то, что для усталого пессимизма существуют-таки весьма веские объективные причины. Даже увесистые — либо проламывающие черепа, либо (очевидно, в моем случае в том числе) так сотрясающие мозги, что кора с подкоркой местами меняются. Было и есть от чего устать — всем нам. Было и есть от чего мозгам набекрень съехать — у всех у нас.

Обосновывая актуальность психологической проблемы смысла жизни, В.Э. Чудновский констатировал, что после краха СССР население на постсоветском пространстве, попросту говоря, сбрендило. Впрочем, это я позволяю себе «попросту говорить», поскольку решил в данном тексте, искренности ради, стучать краски до предела. В.Э. Чудновский же формулировал с академической бесстрастностью, что происходит смена ценностных ориентаций. В советские времена преобладала ориентация «героическая», у молодежи поощрялись такие завышенные амбиции, которые самым вопиющим образом противоречили более чем скромной амуниции (то бишь реальным возможностям). Пропагандировались подвиги — воинские, трудовые, «жизненные» («вся жизнь — подвиг»: например, о Николае Островском, об Ольге Скороходовой)...

А посему, — размышляет В.Э. Чудновский, — быть может, сейчас как нельзя более уместна древняя мудрость-молитва: «Творец мой, не возноси меня слишком высоко, чтобы не слишком больно было падать!» Иными словами, ради сохранения душевного здоровья не лучше ли ограничивать амбиции самым простым и очевидным созидательным смыслом бытия: посадить дерево, построить дом, вырастить потомство...

Реакцией на советскую «подвигоманию» можно считать, например, творчество братьев Стругацких. Чуть ли не с самых первых произведений (таких, как «Путь на Амальтею», «Полдень, XXII век») Стругацкие внушают читателю простую в общем-то мысль: герои, как правило, расхлебывают чьё-то головотяпство. Будь разгильдяйства, халтурщины, безответственности поменьше, меньше была бы и необходи-

мость жертвовать жизнью в аварийных ситуациях, потому что меньше возникало бы таких ситуаций.

Решительно присоединяюсь к Вилену Эммануиловичу: посадить дерево, построить дом, вырастить потомство, — это базовые *созидательные* ценности, они неоспоримы. Но приходится констатировать, что на самом деле не так уж много найдется людей, которые этими ценностями удовлетворяются. Слишком много на свете желающих чувствовать себя значительными персонами в значительно больших масштабах, нежели только семья, друзья да соседи. Это относится даже к самым дряхлым старушкам, которые свято уверены, что Господу Богу до них больше дела, чем собственным детям и внукам. Вот и весь смысл жизни — ощущать себя хоть кому-то нужными... Поскольку, мягко говоря, есть основания сомневаться в своей нужности родным и близким, остается надеяться на свою нужность хотя бы Всевышнему.

А ведь нужность Богу — это масштаб собственной значительности вселенский, ни больше ни меньше. Все мы твари Божьи, из коих самая малая в Божьем Вертограде — не лишняя. На что же еще рассчитывать «малым сим»? Таким образом, предел «малости» совпадает с пределом «великости» (если не «величия»).

Претендующих на собственную значительность в больших масштабах, нежели свой дом и его окрестности, я бы подразделил на следующие категории. (Спешу оговориться, что какие бы то ни было классификации всерьез не принимаю; сочинять классификации в общем-то легко; классификация, — как правило, если не любая, — никак не сам факт, а лишь более/менее адекватное отражение факта в голове теоретика, причем (опять же — как правило) далеко не первоклассного. Однако и сам, не претендуя на первоклассность теоретического мышления и великие открытия, классификациями иногда балуюсь — отчасти в шутку, отчасти наглядности ради.)

1. «Супермены»-циники, всем напоказ и назло признавшие наличную бессмысленность бытия, презрительно отвергающие поиски какого бы то ни было смысла в чем бы то ни было. Цинизм и суперменское наплевательство на всех и всё вокруг — основа всех форм преступности и «обыкновенной» безответственности (в экологии, экономике, политике...).

2. Самозванные «боги», претендующие на разумную организацию окружающего хаоса и, следовательно, на собственную разумность. Но самозванные «боги» в своей разумности убеждены до такой абсолютной степени, что по причине самонадеянности не столько организуют, сколько усугубляют хаос. Хотя на самом деле, наверное, подлинной разумности тем больше, чем меньше самонадеянности, именуемой в Библии гордыней...

3. Богомольцы, готовые вымалывать милости лично для себя у кого угодно — от Иосифа Сталина до Иисуса Христа. Для них с крахом советской системы не так уж и много изменилось, — просто поменяли шило на мыло, религию наизнанку с клеймом «Научный атеизм» — на одну из давно существующих мировых религий, эзотеризм, теософию и т. п.

Предельно широко разумность можно определить как способность противостоять бессмыслице, хаосу. Вероятно, — та же самая способность, что и знаменитая гегелевская «способность выносить напряжение противоречия». Наверное, в таком понимании разумности сойдутся как материалисты, так и идеалисты, по крайней мере, объективные. Только для первых разумность — результат самоорганизации хаоса, и человек или подобное ему существо — единственный субъект разумности, тот, кто ее осуществляет. А с точки зрения объективного идеализма, субъект разумности противостоит хаосу и осмысливает, гармонизирует, преобразует его в нечто осмысленное — от века. Человек же (как разъясняет А.В. Мень) подобен Творцу не внешним обликом вовсе, а именно своей разумностью, способностью быть Божиим соавтором в осмыслении, преобразовании хаоса. А безумием — способностью усугублять хаос — и непомерной гордыней человек подобен противнику Бога (сатане).

Вместо того чтобы раздуваться мыльным пузырем, претендуя на значительность в непосильных масштабах, лучше, действительно, противостоять бессмыслице, хаосу там, где наши возможности для этого наибольшие. Базовые созидательные ценности четко определяют эту сферу и сводятся к банальной рекомендации: «Начни с самого себя».

Да, начни с самого себя. Прежде чем претендовать на очистку авгиевых конюшен окружающего мира, попробуй очистить собственные. Оно, конечно, потруднее будет. Свое прозябание осмыслить (то есть *преобразовывать*) до качества полноценной человеческой жизни.

Осмыслить — то есть образовать и воспитать — самого себя. Минимизировать бессмыслицу в собственном бытии. Не быть рабом сиюминутных влечений и капризов. Стать свободным от любых внешних предопределяющих факторов, — по В. Франклу, — это внешняя среда, влечения и даже наследственность, — и только противопоставив свою волю этим факторам, реализоваться в качестве человека.

Супруги Никитины, учась у своих детей здоровому образу жизни, пришли, в конце концов, к выводу: «что вредно детям, то и взрослым не полезно». Детям нельзя курить, так почему же взрослым можно? Детям нельзя принимать алкоголь, так почему же взрослым можно? Никитины удивляются: никто же не станет из любопытства прививать себе чуму или холеру, хвататься за голые контакты распределительного электрошита высокого напряжения; словом, никто не станет добровольно причинять себе уж слишком явный вред, разве что самоубийца... — а от медленно действующего яда за уши не оттащишь. Бессмыслица! Вот с профилактики или избавления от такого рода бессмыслицы, если она уже налицо, и надо начинать осмысление собственного бытия.

И недаром подростки, сами уже покуривающие, ворчали на меня, когда мне случалось при них закутить: мы, дескать, ладно, а вам это не к лицу. Когда сами уже запачкались, хочется, чтобы самый уважаемый человек был чище — осмысленнее! — нас. Мы можем позволить себе матюкнуться, но

от самого уважаемого человека ничего подобного слышать не хотим...

Детская чистота — принудительная. Она была бы добровольной, если бы чистыми были взрослые. А так начинаются мечты: вот вырасту, мне тоже всё можно будет. Всё бессмысленное... Мечты о бессмыслице.

А взрослые, махнув на себя рукой, тоже начинают мечтать о том, чтобы дети росли лучше — чище, осмысленнее! — чем они сами. Но с какой стати?

В бездонном болоте бессмыслицы — личной и всеобщей — не может быть никаких «Акме», то есть никаких вершин развития. Потому что нет развития. Не может быть никаких вершин на жизненном пути там, где нет жизни, а есть прозябание в рабстве у бессмыслицы. Об Акме (как и о полноценной человеческой жизни) бессмысленно рассуждать, если нет смысла — созидательной цели, задачи. Не зная, куда идти, мы бессмысленно топчемся на месте. Смысл появляется вместе с целью движения, которое, осмысленное целью и маршрутом, превращается в путь. И вот на этом пути уже могут быть и вершины, и провалы.

Существование детей взрослые осмысливают — если вообще осмысливают — иногда больше, чем собственное. О детском здоровье, например, взрослые заботятся — если вообще заботятся — иногда больше, чем о собственном. Но важнее всего, конечно, научить детей самих осмысливать свое существование. Помочь им обрести цель, маршрут и путь, а тем самым — жизнь. (В данном тексте, как читатель, вероятно, уже заметил, понятие жизни я противопоставляю не понятию смерти, у которой возможен свой смысл, а понятию прозябания, у которого смысла не может быть по определению.)

Дидактика может быть — и должна стать — средством осмысления детского существования (иными словами, средством превращения существования в жизнь). Так или иначе строя учебно-воспитательный процесс, мы активно воздействуем на ориентировку ребенка в окружающем мире, на детский поиск своего места в мире. Ребенок может стать с детства победителем, способным ставить перед собой дерзкие цели и достигать их, тем самым выходя в конце концов на уровень Акме. Но ребенок может стать и неудачником, погрязшим в хаосе, а в криминальном случае — мстителем за свои неудачи, усугубляющим хаос. И за любой сценарий в ответе та или иная дидактика. Недаром говорят иногда, что лучше никакой дидактики, чем традиционная школьная... И глубоко прав Борис Михайлович Бим-Бад, когда настаивает, что убийц тоже кто-то или что-то воспитывает.

В поисках дидактической системы, способствующей осмыслению детского существования, превращению его в жизнь и тем самым нацеленности детской жизни на Акме, — в этих поисках участвуют и теоретики, и практики-дидакты, разработчики учебных программ. Речь идет о перестройке учебных программ таким образом, чтобы содержанием учебно-воспитательного процесса было не хаотичное «усвоение знаний», а именно осознание окружающего мира и своего места в нём. Главным учебным предме-

том становится русский (или немецкий, английский и т. д.) язык, на котором идет ориентировка в окружающей социальной, планетной и космической действительности. Сначала — разговор по тому или иному кругу проблем (школа, дом, семья, город, страна, планета, времена года, солнечная система...) с опорой на соответствующие по содержанию тексты и лишь попутно — анализ различных грамматических структур. Этот подход превращает русский язык в базовый учебный предмет, от которого как бы отпочковываются все остальные учебные предметы. Отношения между учителем и учеником строятся по принципу совместно-разделенной дозированной деятельности и сотрудничества.

Естественной идеологией такой дидактики представляется мне Ильенковская теория формирования всесторонней, гармоничной личности. В основе этой теории лежит различие универсальных (всеобщих) и профессиональных (специальных) способностей. Основной порок традиционной дидактики, как бы ее ни реформировали, — преподавание под видом «основ наук» бесчисленных профессиональных подробностей, в которых ученики безнадежно тонут. Отсюда снижение учебной мотивации и прочее, на что мы все так дружно сетуем. То есть погружение в бессмысленное прозябание в ответ на бессмысленный «учебный процесс». Дидактика, ориентированная на ильенковское понимание всесторонности и гармоничности личности, пытается преодолеть именно этот порок. И в конце концов ильенковская дидактика должна прийти к перестройке учебных программ по принципу: всё специально-профессиональное — в факультативы, а на первое место — реализация знаменитого Ильенковского призыва «Учить мыслить!», а также — учить красоте, учить доброте и учить культуре поддержания физического здоровья. Реализуя Ильенковскую философию образования, дидактика будет способствовать и обретению ребятами смысла жизни (смыслом станет быть и оставаться человеком, то есть Разумным Существом), и нацеленности жизни на Акме, на достижение вершины личностного развития.

Господствующая бессмыслица — наша личная и нашего так называемого общества в целом — любой проект гармонизации (осмысления) хаоса превращает в красивую сказочку. Так я и вынужден квалифицировать то, к чему сам стремился всю профессиональную жизнь. Я не верю, что сказка станет былью. Я не верю, что идеальный смысл восторжествует над реальной бессмыслицей. Я верю только в необходимость торжества, победы сказки и смысла. Не в неизбежность, а в необходимость — в то, что смысл лучше бессмыслицы и надо по мере сил способствовать его осуществлению, сколь бы малоперспективным — или вовсе бесперспективным — это ни казалось. Не в том (для меня) дело, чья возьмет, а в том, на чьей я стороне, по какую сторону линии фронта. Не желая примиряться с бессмыслицей, испытывая к ней глубокое отвращение, я могу быть только на стороне смысла.

Ильенковская дидактика предполагает снятие искусственной полярности обучения и воспитания. На

самом деле идет один процесс воспитывающего обучения, обучающего воспитания. В учебной программе много места должно отводиться

проблемам человеческих взаимоотношений — внутри общества и общества с природой. Совершенство учебную программу с опорой на практический опыт ее внедрения, можно попытаться практически поставить и наметить пути решения такой гигантской проблемы, как воспитание человечности и духовности. Это не получится без четкого теоретического ответа на вопрос, что такое человечность и духовность, — мы просто знать не будем, что именно берёмся воспитывать.

Существует Детское движение милосердия — движение здоровых и больных ребят к общению друг с другом, к взаимопониманию и взаимопомощи. Было

бы здорово, если бы дидактику, ориентированную на ильенковскую философию образования, как-то удалось включить в контекст этого детского движения за человечность, за смысл против бессмыслицы.

Пусть бессмыслица распространена как угодно широко, но мириться с ней невозможно, — поэтому остается всеми силами уменьшать бессмыслицу в себе и вокруг себя, максимально осмысливая, гармонизируя прежде всего собственную деятельность, собственную жизнь. Можно устать, можно впасть в отчаяние, но смириться с бессмыслицей невозможно, — и остаётся делать всё, чтобы ее хоть около тебя и в тебе самом стало поменьше.

20 мая — 9 июля 2000;
Последняя редакция: 8—11 января 2024

Информация об авторах

Суворов Александр Васильевич, доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

Suvorov Alexander Vasilievich, doctor of psychological sciences, professor.

Получена 04.03.2024

Принята в печать 20.03.2024

Received 04.03.2024

Accepted 20.03.2024